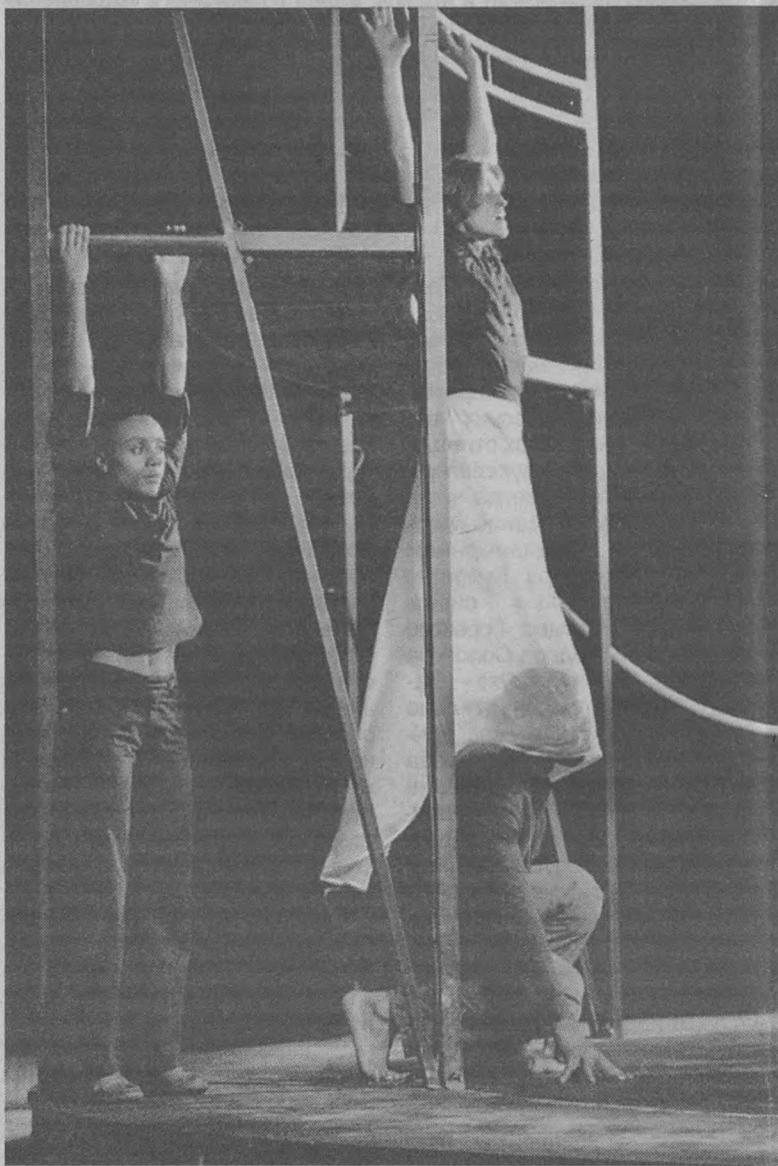

парализованное время

«Контрудар» Франсуа Верре на Эдинбургском фестивале

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ЭДИНБУРГ

Помимо немки Саши Вальц, чей спектакль «Impromptu» в Эдинбурге все в один голос назвали важнейшим событием, в фестивальную программу попали представители и других национальных школ contemporary dance. Франсуа Верре, без сомнения, один из самых способных и интеллектуальных французских хореографов, что и доказал его очередной спектакль «Contrecoup», в основание которого лег роман Уильяма Фолкнера «Авессалом, Авессалом!».

В фолкнеровском романе Франсуа Верре заинтересовал не столько сюжет о разрушении рода, развивающийся на фоне глобальной катастрофы американского Юга, сколько способ художественного высказывания. Как часто бывает у Фолкнера, в романе присутствуют несколько рассказчиков (здесь — четверо), каждый из которых предлагает свою версию событий. «Тринадцать разных способов взглянуть на черного дрозда» — вот как называл это сам Фолкнер, разумея под «черным дроздом», видимо, быстротекущее время. У Верре свой взгляд на черного дрозда, свои рецепты того, как нужно, наконец, ухватить чертову птичку за хвост. Ставя слова в столбик, будто слагая стихи, он написал в программке к спектаклю: «Нет единственного пути, единственной дороги, но есть много доро-

жек для того, чтоб рассказать историю семьи Сатпена... Или, точнее, рассказать кому-нибудь историю об историях, рассказанных Фолкнером, который требовал, чтоб сюжет всегда начинался со зрительного образа, с персонажа, которого он увидел в определенной ситуации».

Начальный зрительный образ в «Контрударе» есть, ничего не скажешь, и это едва ли не единственное, что так детально продумано хореографом, который, как доказывает практика, не зря начинал свою творческую биографию с изучения архитектуры. Метафорой Времени у него сделалась огромная скрипучая конструкция, напоминающая очертаниями карусель, вокруг которой примостились замершие люди. Несколько минут молчания, полная неподвижность, доносящиеся до нашего слуха голоса в тишине: «Что это? Я не помню.

Что это? Я не знаю». И вдруг — движение. Отталкиваясь пятками от пола, танцовщицы постепенно поставят карусель на полный ход, а затем разгонят ее до бешеной скачки. Посредине, распустив волосы, закружится подвешенная вверх ногами девушка, а кто-то из актеров уютно устроится на самой карусели, нисколько не замечая тряски.

После эффектного начала дальше в этом спектакле почти ничего не произойдет. Размеренные и монотонные голоса, мужские и женские, станут, перебивая друг друга, зачитывать отрывки из романа Фолкнера, а танцовщицы, вслушиваясь в эти разнонаправленные голоса, будут по большей части пребывать в неподвижности, лишь изредка приходя в движение и неуклюже сталкиваясь друг с другом. Кажется, что это какой-то всеобщий паралич. Верре поставил свою историю о невозможности рассказать историю. А поскольку у каждого движения должно быть свое оправдание, то он, следуя логике вещей, предпочел минимум движений. Забыв только об одной немаловажной детали: для того чтобы танцовщик остался неподвижным, у него тем более должна быть веская причина. Если же нет, то все это рискует вылиться в вялое и литературоцентричное зрелище. Примерно так и случилось.